

Андрей Осельский

Марина Хабовец

*Швейцарский
кортеж*

Брест
2019

Содержание

<i>Чудо на Рождество.....</i>	<i>5</i>
<i>Как победить зло?.....</i>	<i>55</i>
<i>Швейцарский кортеж.....</i>	<i>75</i>
<i>Благословение упования и минута сомнений.....</i>	<i>93</i>
<i>Картежник.....</i>	<i>103</i>
<i>Научное обоснование.....</i>	<i>125</i>
<i>Офицер снова на службе.....</i>	<i>149</i>
<i>Хант Юван или история о том, как горбун выпрямился.....</i>	<i>173</i>
<i>Опекуница.....</i>	<i>217</i>
<i>Никогда не поздно учиться.....</i>	<i>229</i>
<i>Глубины веры.....</i>	<i>245</i>
<i>Гимн сильных.....</i>	<i>259</i>
<i>Падения и взлеты.....</i>	<i>269</i>
<i>Гуси и бабуся.....</i>	<i>279</i>

От автора

Дорогие друзья! Мы снова рады встрече с вами и надеемся, что чтение этого сборника жизненных историй принесет вам много положительных эмоций и приятных минут наедине с книгой. Читая эти рассказы, можно улыбнуться, можно расплакаться, можно серьезно задуматься: правда жизни проникает наружу через людские судьбы, такие разнообразные и непохожие одна на другую. И заставляет нас сострадать, сопереживать, молиться и еще раз взглянуть на себя со стороны.

Все истории, описанные в данной книге, основаны на реальных событиях. Главным лицом некоторых из них является сам автор, Андрей Захарович Осельский, в других – он только сторонний наблюдатель, в третьих – лично был знаком с людьми, которые распахнули ему сердце с одной только целью – показать могущество Иисуса Христа, меняющего судьбы, мышление, ценности и саму жизнь человека.

В каждой истории вы найдете крупицу мудрости, которая, надеемся, отзовется в вашем сердце и поможет вам правильно поступить, реагировать на события или донести что-то доброе для других. И пусть это не всегда бывает просто, но зато всегда возможно с Господом!

*Чудо на
Рождество*

Вечерние сумерки темной длинной шалью накрыли деревню, оставив ясному месяцу право лишь слегка мягким светом освещать улицы. Деревья стояли, как будто выпрямившись перед генералом: стройно и молчаливо – перестала волноваться сочная зеленая листва под дуновением легкого весеннего ветерка. Было тихо. Смокли голоса шустрой детворы, затихла живность в деревянных сараях односельчан. С соседней улицы лишь изредка долетал прерывистый лай сторожевого пса.

Сережка лежал на старой кровати и внимательно смотрел в окно, надеясь разобрать какие-то очертания. На улице было темно и спокойно. К мальчику подошла мать, теплой рукой проведя по густым каштановым волосам. Затем она присела рядом с ним и сказала:

— Сынок, что ты мечтательно в окно смотришь? Засыпай уже – ночь на дворе. Закрывай глаза, завтра тебе с отцом на колхозное поле идти, будешь ему помогать кормовую свеклу пропалывать.

— Мама, не спится мне. Спой мне песню – я так люблю, как ты поешь.

— Я так устала сегодня, Сережка. Не до песен мне совсем.

— Мамочка, ну хоть одну, я так люблю тебя слушать – у тебя такой красивый голос! – упрашивал усталую женщину мальчик.

— Ладно, но только одну, и то с обещанием, что сразу заснешь. Договорились?

Парнишка с восторгом закивал головой и стал укладываться на подушке, ища удобную позу. По дому полился мелодичный напев, такой душевный и спокойный, что Сережка закрыл глаза и стал внимательно слушать, стараясь прочувствовать песню своим сердцем. Он так любил, как мама пела! Жаль, что ей приходится тяжело и много работать – после войны все в таком упадке, а еще отработать дневную норму в колхозе надо. К тому же, скоро у него появится братик или сестричка – в последнее время маме все тяжелее нагибаться, она стала быстрее уставать. Он сам

старался помогать, как мог, только из-за нехватки еды сил было мало.

И снова успокаивающая гармония мягкого родного голоса... Сережке казалось, что он сам поднялся в небо над своим ветхим домиком и полетел вслед за песней. Женщина посмотрела на своего сына: он улыбался во сне. Она глубоко и тяжело вздохнула, еще раз провела своей натруженной рукой по голове парнишки и вышла в другую комнату.

Мальчик проснулся оттого, что ему кто-то шептал на ухо:

— Сынок, папа ждет тебя. Попей молока и в путь, пока солнце еще не так сильно печет.

— Мама, можно еще немного поспать? – потягиваясь, сонно пробурчал ребенок.

— Нет, говорила же тебе вчера – засыпай скорее, а ты все мечтаешь, мечтаешь. Подъем! – приказала мать и стащила с худых ног старое залатанное одеяло.

Сережка понимал, что не должен подводить родителей и не стал более перечить. Он быстренько вскочил в свои порванные и уже коротковатые штаны и торопливым шагом направился в кухню, где за столом сидел отец. Павел Захарович оторвал свой взгляд от раскрытой Библии и улыбнулся вошедшему сыну. Они все вместе помолились и сели завтракать. Через несколько минут мать собрала им с собой котомку с провизией и поцеловала на прощание.

Тяжелый трудовой день позади. Ох, и умаялся Сережка сегодня! Помогал отцу изо всех сил, старался. Паренек был такой уставший, что, едва добравшись до подушки, сразу уснул, не дождавшись, пока мама придет пожелать ему спокойной ночи.

Забрезжил рассвет и солнечные лучи, набирая силу и мощь, прогнали с небосвода темные краски. Небо стало преобразаться, наполняя воздух торжеством света и тепла. Солнце поднималось все выше и выше, пробуждая все живое от крепкого сна. Солнечный зайчик непрошеным гостем ворвался в комнату к мальчику и стал прыгать по его лицу, прогоняя остатки дремоты. Сережка потянулся на постели и открыл глаза. На противоположной перекладине кровати

висела его единственная парадная рубашка и перешитые из отцовских брюк штаны, которые одевались в исключительных случаях. Сегодня был именно такой случай – воскресенье. Он с родителями отправится на собрание в соседнюю деревню, в дом Ивана Микуленко, где собирались верующие близлежащих сел.

Из кухни доносились голоса родителей, и мальчик понял, что пора вставать. Он поспешно оделся, чтобы успеть позавтракать перед тем, как вся семья отправится в путь.

Собрание было многолюдным – почти все места были заняты. Все присутствовавшие дружно и слаженно пели, восторженно прославляя Бога. Затем прозвучало несколько проповедей. Сережка про себя думал: почему не рассказать библейскую историю детям понятным языком? Речи взрослых казались ему скучными и монотонными. Зато, когда все поднимались с лавок для того, чтобы спеть псалом, он заметно оживлялся, высоко задирает голову, прислушиваясь к мелодии, и с особым энтузиазмом повторял тексты песен, стараясь запомнить, ведь читать он пока еще не умел. В школу Сережка пойдет только в следующем году, а папе из-за работы в колхозе нет времени научить сына чтению. Мальчик был внимательным и не отставал от взрослых, стараясь своим детским голоском вытягивать сложную мелодию.

После богослужения люди приветствовали друг друга и коротко беседовали.

— Мария, какой певец у тебя растет! Все собрание за ним наблюдала, каждую песню подхватывал твой Сережка и наравне с нами пел, где слова знал. Ты что, находишь время с ним дома заниматься? – воодушевленно интересовалась Дарья, мамина подруга.

— Что ты, Дарьюшка, где там! Какое пение – за день так умаешься, а еще с моим положением, – и мама погладила рукой заметно выпирающий живот, – не до пения, только мысли о том, как отдохнуть, как ноги вытянуть. В колхозе все нормы увеличиваются, чего и сколько мы сдать должны от нашей живности, поэтому целый день только и бегаешь, как

бы все успеть и никому ничего должной не остаться. Нет, не занимаюсь, просто часто пою ему дома – просит сам мальчишка мой, – и Мария взъерошила волосы стоявшего рядом сына.

– Значит, талантливый он у вас, видать, в тебя пошел. Дар ему Бог дал – петь. Смотри, уже сейчас пробует петь на разные голоса, а что дальше будет, когда подрастет...

– Там и увидим, что дальше, – женщина переключила свой взгляд на сына. – А ты чего уши развесил, начнешь еще больше воображать и мечтать, – наклонилась Мария к Сережке и отправила его на улицу, чтобы еще несколько минут наедине поболтать с подругой о делах в колхозе и предстоящих родах.

По пути домой Сережка напевал утренний гимн, который ему понравился больше всего. Родители подхватили мелодию и подпевали сыну. На улице было солнечно и безветренно, и казалось, что даже бегущие по небу облака приостановились, слушая семейное пение. Вдруг Сережка замолчал. На его лице на секунду отразилась тень сомнения, но затем капитулировала перед желанием узнать правду. Мальчик решительно посмотрел на родителей и вежливо спросил:

– Папа, а ты заметил, что сегодня детей было меньше, чем обычно? Не было Борьки Краюхина, Мити Артамонова, Сашки Груздева и некоторых девочек. Обычно они никогда не пропускали богослужений. Может, что-то случилось, вы не знаете? – и паренек направил встревоженный взгляд на родителей.

Павел и Мария переглянулись между собой. Затем женщина опустила глаза, смотря себе под ноги, а отец, немного подумав, спокойно ответил:

– Не волнуйся, ничего страшного не случилось – никто ничего плохого про них не рассказывал. Скорее всего, в следующий раз придут. Вот доберемся домой и помолимся за них, напомнишь нам с мамой. А теперь давай споем еще одну песню о небе, – и мужчина стал напоминать сыну слова первого куплета, чтобы отвлечь парнишку от серьезных дум,

которые также возникли и в его собственной голове.

В следующее воскресенье картина на богослужении не изменилась: отсутствовавшие в прошлый раз дети на собрании не появились. Сережка заметил это и в очередной раз спросил родителей:

— Папа, наверняка что-то произошло с ребятами... Может, они заболели?

Павел Захарович немного напрягся, насупился и глубоко вздохнул. Он тщательно обдумывал, как же объяснить сыну причину отсутствия этих ребятешек:

— Сынок, они все школьники. Последняя неделя учебы – возможно, им оценки нужно исправить, а может, учителя не разрешают им на богослужении появляться.

— А как они могут детей не пускать?

— Мал ты еще, не все понимаешь – запугивают их, грозят двойки за год поставить или наоборот, сладкими обещаниями засыпают. Сам лично я не знаю, как это происходит – мы-то со школой пока никаких дел не имеем, да лучше нам этого и не знать! – и мужчина наотмашь махнул рукой, давая понять, что разговор на эту тему закончен.

А Сережке эти мысли не давали покоя, он стал побаиваться идти в эту самую школу, где учителя могли вершить свою волю и распоряжаться судьбами маленьких людей.

В конце лета, в жарком августе, у Сережки появилась сестричка. Она была такая худенькая и маленькая, что мальчик никак не решался брать ее на руки.

— Ну что тут такого страшного? – недоумевала Мария Прохоровна. – Возьми на руки и поддержи, пока я курей покормлю. Молока мало у меня, вот она и не ест вволю, потому и плачет.

Но Сережка никак не соглашался: боялся. Он не упрямился, а только лишь жалобными глазами умоляюще смотрел на мать, чтоб она придумала другой способ приглядывать за новорожденной Танечкой.

— Ладно, Сережка, я ее в люльку положу, а ты все время покачивай, пока дитя глазки не закроет. Может, удастся ей

таким образом заснуть, и я еще огород успею прополоть.

— Хорошо, мама, в люльке покачать я согласен, — и мальчик принялся осторожно раскачивать приделанную к потолку самодельную колыбель.

Теперь Сережка, помимо помощи дома и в огороде, выполнял еще обязанности няньки — присматривал за своей сестричкой. В этих хлопотах быстро пролетел год, и пришла мальчику пора собираться в школу. Для этого они с отцом выехали в город — купить некоторые школьные принадлежности и пару туфель, которых в гардеробе парнишки никогда доселе не бывало.

Наступил сентябрь — первый месяц школьных занятий. Все предыдущие страхи о страшных великанах-учителях рассеялись: Людмила Павловна, первая учительница, была приятной и доброй женщиной, которая к детям относилась дружелюбно и ровно. Она никого не выделяла, записывая в любимчики, и никого не унижала, унижая и высмеивая перед классом. Людмила Павловна была спокойна и выдержана, не срывалась на крик и пустые угрозы. Все возникавшие в классе споры эта приятная пожилая женщина стремилась разрешать мирным путем, не привлекая директора или родителей. Дети очень любили ее, и дисциплина в 1 «Б» была показательной.

Сережка Артюхов быстро выучил буквы, ведь зная буквы, можно научиться читать, а мальчик этого очень хотел. Если он научится хорошо читать, то тогда сможет разучивать песни, которые поют на собрании в доме Ивана Микуленко. Поставив перед собой цель, мальчик старательно шел к ее достижению — ему очень хотелось петь с другими верующими, а еще подпевать маме. Сережке казалось, что их голоса чудесно сливаются друг с другом, дополняют и высвобождают прекрасную мелодию к самостоятельной и волнующей жизни.

Сережка хорошо учился, дома сам выполнял домашнее задание и по-прежнему не мог обходиться без маминого пения. Иногда мама соглашалась на его уговоры и пела ему перед сном несколько песен, а иногда шла отдыхать, ведь она жда-

ла еще одного ребенка. Мальчик все понимал и не обижался. Хотя некоторая затаенная грусть в его сердце все же была: с появлением младенца забот у всех прибавится, и маме еще сложнее будет уделить время старшему сыну. Но что уж тут поделаешь?..

Быстро пролетело время обучения в первом классе. Сережке казалось, что он только что переступил порог школы, а теперь он уже грамотный человек – умеет читать, считать и писать. К тому же, у него появился младший брат, которого ему самому предстоит еще научить многим вещам.

Летние каникулы не были только временем отдыха для сельских ребятишек, у каждого были свои обязанности и задачи. Все помогали родителям на приусадебных участках – пололи, поливали, рыхлили почву на грядках, ухаживали за домашними животными, были подсобными рабочими у своих отцов, присматривали за младшими. Но было время и покупаться в реке, и поудить рыбу, и сходить в лес за ягодами, и просто с веселой компанией поиграть в мяч, лапту, салки.

Когда выдавалась свободная минута, Сережка убегал на луг, падал в высокую траву, наполненную свежим ароматом ярких цветущих растений, и смотрел за бегущими по небу облаками. Положив обе руки под голову, он наслаждался созерцанием причудливых и неповторимых форм воздушных масс на голубом небосводе. Затем закрывал глаза и начинал петь те песни, которые ему напевала мама, и мальчику казалось, что весь мир перестает существовать: есть только он и летящая в небеса песня, звонкая, мелодичная, прекрасная и живая. Так он лежал до тех пор, пока где-то со стороны не раздавалось мычание коровы или крики погонщиков лошадей, выведивших его из этого состояния невесомости и блаженства. Сережка как будто просыпался, отряхивая рывком головы остатки своей мечтательности, и торопливо шагал домой, каждый раз при этом собирая в букет для мамы полевые цветы. Они были незатейливые и простые: ярко розовый куколь, ромашка, лиловая скабиоза, синие васильки, зверобой, льнянка, называемая среди детей «собачкой»,

тысячелистник, голубой цикорий, бессмертник. Букет получался разноцветным и ярким, и в конце Сережка неизменно украшал его распушившимся побегом лисохвоста, стеблем конского щавеля и другими зелеными травинками. Получая такой букет и при этом еще поцелуй от сына, Мария Прохорова широко улыбалась, переставала сердиться и прощала сыну его отсутствие.

По воскресениям Сережка продолжал ходить на собрания в соседнее село. Иногда родители брали всех детей, а временами мама оставалась с младшими дома. Теперь мальчик мог держать в своих ручках текст песен и на равных со взрослыми прославлять Бога, радуясь всей душой участию в славословии.

С приходом осени снова нужно было собираться в школу – снова парта, тетрадки, дневник, уроки. И так каждый год, пока не закончилось начальное обучение. В пятом классе их классным руководителем стала Нина Петровна – высокая, худая женщина с редкими светлыми волосами, собранными в пучок на затылке. Она была нервной, требовательной, сухой в обращении. Никто не мог бы обвинить ее в любви к детям и доброжелательном отношении. Нина Петровна была своеобразным диктатором, требующим полного подчинения и неоспоримого послушания. Ее не волновали ничьи чувства – она считала себя полновластным вершителем детских судеб.

Когда она узнала, что Сережа Артюхов – верующий мальчик, стала с ним подолгу беседовать, убеждая в том, что Бога не существует, что это всего лишь выдумки необразованных крестьян. Мальчик был ошарашен таким известием и в его душе стали рождаться вопросы. Дома он интересовался у своих родителей:

— Папа, почему Нина Петровна утверждает, что Бога нет? Она даже ни капельки не сомневается в правоте своих слов. Говорит, что научно доказано, что Бога не существует.

— Сынок, это нельзя проверить научно, потому что все исходит от Бога, даже сама наука – это последствие зарождения человеческой жизни на земле.

— Она называет вас темными людьми, пытающимися загубить мое будущее! — тревожно выпалил Сережка.

— Ты ведь понимаешь, что это не так? Мы хотим, чтобы ты был человеком образованным, христианином, но чтобы твоя учеба не стоила тебе твоего спасения.

— А как такое может быть? — любопытствовал мальчик.

— В последнее время в нашей стране советская власть особенно рьяно хочет уничтожить религию, поэтому всех детей учат тому, что Бог — это выдумка родительского воображения и дети совсем не обязаны повторять их судьбу, разделять их вероучение. Вам активно навязывается мнение, что вы должны отказаться от Бога в пользу учебы.

— Но я не хочу отказываться от Бога, что — мне теперь учиться нельзя? Меня выгонят со школы? — взволнованно спрашивал Сережка, покусывая тонкие губы.

— Нет, не должны выгнать, хотя пугать этим будут. Мы ничего не знаем наперед, в нашей власти лишь молиться Богу и просить Его заступничества. Он обзревает всю Вселенную, и видит нас с нашими проблемами и трудностями. Не будем унывать и сдаваться, а будем продолжать верить, не взирая на препятствия, ты ведь со мной согласен? — твердо и уверенно отвечал сыну Павел Захарович, крепко сжимая его небольшую руку в своей мускулистой ладони.

— Да, папа, я верю, что Бог существует и все знает о нас, а также слышит наши молитвы, — робко высказался Сережка и пошел ложиться спать.

С тех пор Сергей Артюхов постоянно в школе сталкивался с каким-то неприятием со стороны классного руководителя, насмешками со стороны одноклассников. Его это не пугало, хотя все-таки немного было обидно — раньше-то все было хорошо, при Людмиле Павловне. Но что делать — приходилось все терпеть.

Нина Петровна не упускала возможности зачитать ему выдержки из газетных статей о вреде религии, об узости взглядов верующих, о порочащем советский строй поведении «сектантов». Учительница предлагала ему свою помощь

при поступлении, лишь бы паренек отказался от Бога и своей веры. Теперь школу мальчик посещал без особого энтузиазма, никто в ней не был рад его присутствию. Одно лишь обстоятельство было приятно Сережке: учительница по пению, Светлана Игнатьевна, очень хвалила мальчика и всем рассказывала про его выдающийся голос, его музыкальные способности. Она называла его талантливым ребенком! Благодаря ей и ее вниманию посещение школы не превращалось в беспросветную каторгу. Однажды Светлана Игнатьевна попросила Сергея Артюхова задержаться после урока.

— Сергей, ты очень способный мальчик. У тебя талант – мне кажется, что пение – это твоя натура, твое самоопределение. Когда ты поешь на уроке, то создается такое ощущение, что ты и песня – неразрывны. Я бы сказала, что ты один такой в школе. Поэтому, признавая твои способности, оценивая красоту и мощь твоего голоса, я предлагаю тебе разучить песню для линейки по случаю окончания учебного года. Иногда я буду забирать тебя с уроков на репетицию еще нескольких номеров, чтобы ты влился в наш школьный хор.

— А Нина Петровна знает? Разве она согласна отпустить меня? – настороженно интересовался мальчик, почесывая затылок.

— Не волнуйся, я с ней обо всем договорилась. Нина Петровна согласна и будет отпускать тебя по моему требованию. В следующий раз жду тебя во вторник после уроков, приходи в этот кабинет, – ласково сказала Светлана Игнатьевна и бережно похлопала по спине. – Сильно не задерживайся, а то у меня потом репетиция в клубе, нужно все успеть.

— Хорошо, – едва вымолвил Сережка, в душе очень довольный оказанному доверию среди общей картины отчуждения и брезгливости.

Сергей Артюхов сдержал свое слово и ответственно посещал репетиции, как личные, так и с хором. Он удивлялся, как Нина Петровна, упрекающая его при классе в отсталых взглядах, разрешила ему заниматься с учителем пения, подготавливая программу для торжественной линейки. Мальчик

стал замечать, что теперь она к нему несколько изменилась, подобрела, перестала унижать и оставлять для индивидуальных бесед, на которых он чувствовал себя школьным изгоем.

Однажды Нина Петровна встретила Светлану Игнатьевну в коридоре и, отпустив учеников на урок физкультуры, попросила уделить ей минуточку внимания, пригласив педагога в свой класс.

— Светлана Игнатьевна, как же я вам признательна! Вы так помогли мне в моей воспитательной работе! – восторженно благодарила вошедшую в класс учительницу пения Нина Петровна.

— О чем вы говорите? Я решительно ничего не понимаю – мы ведь с вами на пару никого не воспитываем, – растерянным голосом отвечала Светлана Игнатьевна.

— А вот тут вы ошибаетесь, дорогая моя. Как раз именно вместе – речь идет о Сергее Артюхове. Вы даже себе представить не можете, сколькими дисциплинами я пыталась заинтересовать его. И одно предлагала, и другое – нет интереса. А тут вам удалось каким-то пением ребенка от его заикленности на религии отвлечь.

— Прошу вас извинить меня, но пение – это очень важная дисциплина, которая формирует эстетический вкус, прививает ребенку чувство прекрасного, и никак не может сочетаться с формулировкой «каким-то», как будто это некая посредственная вещь, – досадовала Светлана Игнатьевна, покраснев от негодования.

— Извините меня, это я на фоне приложенных усилий так выразилась, – учтиво пыталась оправдаться Нина Петровна.

— Возможно, вы считаете, что пение – это лишняя дисциплина в школе? Что оно хуже русской литературы или, к примеру, биологии? – не унималась расстроенная учительница, поправляя от обиды очки на переносице.

— Ой, что вы, Светлана Игнатьевна! Никак не хотела приуменьшить ваши заслуги и вашу работу в нашей школе. Только вот не приходило мне такое в голову, а вы догадались его привлечь в хор.

— Я руководствовалась только исключительными вокальными данными Сергея Артюхова, без какой-либо подоплеки. Это талантливый ребенок, которому мы должны дать право развиваться и реализовывать себя, несмотря на его религиозные взгляды! — отстаивая свою позицию педагога, громко говорила Светлана Игнатъевна.

— Все правильно, именно так. Вы думаете, я его от всего изолировала? Наоборот, все предлагала, чтобы из головы всю блажь религиозную выбить, а не получалось у меня. А вы, видать, ключик к нему подобрали — и расположением своим, и похвалой, и любимое дело предложили, раз он согласился. А мне на руку, понимаете? — и Нина Петровна наклонилась к ней поближе, устанавливая зрительный контакт.

— Я просто делаю свою работу, а мальчик мне действительно нравится — у него получается отлично петь. Талант есть талант, никуда не денешься! — многозначительно констатировала Светлана Игнатъевна.

— Вот поэтому я и разрешила ему посещать репетиции, раз вам так больше нравится. Пусть развивается Артюхов. Занимайтесь постоянно, воодушевленно, чтоб у него желание петь не пропадало. Это и есть ваша работа, правильно вы сказали, — и Нина Петровна открыла двери кабинета настежь, показывая, что разговор уже закончен.

Сережка с увлечением ходил на репетиции, ему нравилось петь, а в хоре ему даже предложили солировать одну песню. Светлана Игнатъевна постоянно хвалила мальчика, и чувство собственного достоинства пробуждалось в нем, набирая силу, особенно когда другие мальчики и девочки одобрительно улыбались ему. После удачного выступления на линейке, Светлану Игнатъевну с хором пригласили выступить в клубе на вечере, посвященном ветеранам труда.

После этого концерта Сережку дома ждали встревоженные родители.

— Сергей, почему ты в клубе выступал — нам соседи уже все рассказали, — начала разговор мать, сердито сдвинув брови на переносице.

— Меня учительница попросила, я же не мог подвести и не прийти. К тому же, несколько песен с хором я должен был солировать.

— Это хорошо, сынок, что ты держишь слово, — начал воспитывать сына отец, — но есть какие-то рамки в христианстве, которые желательно не переступать, а то чем дальше, тем труднее будет остановиться. А без барьеров — пропасть, куда человеческая душа ниспровергается на вечное мучение.

— Папа, но в Библии не написано же, что петь нельзя? — деловито парировал Сергей.

— Ты прав, но надо знать, в каких местах можно петь, а где лучше воздержаться.

— Ничего, папа, там плохого не было. Спели, поаплодировали нам, и все ребята разошлись.

— Смотри, сынок, не мечтай о себе, не фантазируй! — сказал отец и сурово глянул на сына. Тот молчаливо выдержал взгляд, не чувствуя себя ни в чем виновным. Сознание подростка еще было там, в клубе, в который раз прокручивая в памяти недавний успех.

После этого вечера за Серезжкой установилась слава певца. Его приглашали выступать в клуб; на всех торжественных школьных мероприятиях он был в числе первых. Нина Петровна перестала насаждать на своего ученика, оказывать на него давление. Она видела, что то, чего она пыталась добиться силой, реализуется посредством одобрения и похвалы. На каком-то мероприятии в клубе Сергея втянули в круг танцующих ребят, ему неудобно было выскакивать прочь, и он стал повторять танцевальные движения за молодежью. Так, за несколько лет размылись представления Сергея о том, как можно себя вести, а как не стоит. Если родители дома задавали ему вопросы, пытались уговорить бросить выступления в клубе, то он спрашивал их:

— Почему мне нельзя петь? Разве это запрещается Библией?

— Нельзя, и все тут. Вырастешь, сам поймешь, что это только для твоего блага, никто тебе зла не желает.

— Вот и учителя говорят, что петь нужно для моего блага, реализовывать свои способности.

— Ты что, сам не понимаешь – кого тебе слушать?

— Я понимаю все, согласен принять ваши доводы – объясните свои запреты, – не унимался подросток.

— Не нужно петь в тех местах, где потом происходят пляски. Потом мальчики и девочки знакомятся, начинают дружбу водить – не хорошо это.

— Я не веду себя так, как они, папа. Я просто хожу туда, так как пою в хоре.

Разговоры с родителями не имели никакого воздействия, Сергей не видел ничего плохого в том, чтобы искусно исполнять песни – будь то в школе, в клубе или просто на улице. Со временем у подростка появились друзья, которые не были верующими. Понимая, что у парня есть чему поучиться, они приставали к нему с просьбой научить тем или иным моментам в исполнении мелодии. Сережа не только обладал красивым голосом, он также умел подыгрывать себе на гитаре и губной гармошке. И паренек не отказывал. Со своей стороны, они научили Сергея танцам, убеждая, что в этом нет ничего плохого. Он оказался способным учеником!

Сергея Артюхова так заманивала песня с танцем, что он в эти моменты терял способность анализировать ситуацию. Он забывал обо всем на свете, отдавая свой голос, свое тело стихии, которая полноправно правила им и владела. Грациозно, величественно он пел и не менее искусно научился танцевать. Скоро в дом к Артюховым стали приходить люди и хвалить на все лады их старшего сына: как великолепно поет, как искусно танцует, как мастерски играет, словно артист настоящий и ему необходима большая сцена.

Мария Прохоровна и Павел Захарович не радовались этим вестям, а наоборот, опускали глаза и отчаянно кивали головами. Они стали замечать, что охладевает Сережка по отношению к Богу, реже их сын стал посещать собрания. Родительские уговоры не имели никакого воздействия. Нет, не отказывался мальчик от Бога, и дома молился, но и мирская

жизнь затянула его в свой водоворот, поработая волю и сознание.

С течением времени после таких «выступлений» Сергей стал приходить домой выпивший, что очень огорчало всю его семью: родителей и подростков братьев с сестрами. Сам парень думал, что ничего страшного в этом нет – так, выпил для поднятия настроения. Мать всегда отчитывала сына, укоряя и стыдя. Воспитывать другими методами было уже поздно – мальчик вырос.

Сергей окончил школу, стал работать прицепщиком, затем на севках в колхозе – обрабатывал колхозные поля. Товарищи по работе иногда наливали парню стаканчик-другой, просили спеть, и так получалось, что он все чаще стал приходить домой в нетрезвом состоянии. Отец просил обречь себя, перестать вести такой пагубный образ жизни, а мать вообще причитала на все лады:

— Да как ты можешь себя так вести? Как можешь, зная Бога, идти наперекор Божественным законам? Ведь ясно сказано, что людям не следует упиваться вином, водиться с негодными людьми, находиться в худых сообществах! Ничего не может быть общего у христианина с миром! Скажи мне – ты христианин? – не унималась расстроенная Мария Прохоровна.

— Христианин, ну и что? – еле выговаривая и заметно шатаясь, отвечал непутевый сын.

— Как твоя совесть позволяет тебе так себя вести? Своими действиями ты оскорбляешь Бога, позоришь нас с отцом, наводишь наговоры на всю нашу общину.

— Мама, я ни на кого ничего не наговариваю. Я вообще-то работаю! – бормотал Сергей, подходя к ведру с водой, чтобы утолить жажду.

— Как тебе не стыдно! Твое поведение никак нельзя назвать христианским! Ты как тот блудный сын из притчи, вкусивший благодати Божией, но все равно сбившийся на греховный путь, – женщина со всех сил пыталась образумить сына.